

11. Svobodnoe slovo «Poseva», 1945–1995. Moscow, Posev, 1995. 207 p.
12. Skarlygina E. Ju. Zhurnalistika russoj jemigracii: 1960–1980-e gody. Moscow, Moscow State University Publ., 2010. 109 p.
13. Sovremennoe russkoe zarubezh'e / P. V. Basinskij, S. R. Fedjakin. Moscow, 1998. 528 p.
14. Struve G. Russkaja literatura v izgnanii 2nd ed. Paris, YMCA-PRESS, 1984. 426 p.
15. Genis A. Tretja volna: primerka svobody // Zvezda, 2010, № 5.

ЗНАЧИМОСТЬ НАРОДНЫХ ОБЫЧАЕВ И ТРАДИЦИЙ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ РОМАНА МАГОМЕТА МАМАКАЕВА «ЗЕЛИМХАН»¹

Джамбеков Овхад Алихаджиевич, кандидат филологических наук, Чеченский государственный педагогический институт, 364037, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33, e-mail: sharani-999@mail.ru.

В статье рассказывается о значимости и важности народных обычаев и традиций в формировании характеров героев романа М. Мамакаева «Зелимхан». Фольклорное мышление играет в произведении существенную роль, окрашивая всё происходящее в национальные краски. Оно присутствует в тексте романа, в речи героев, в описаниях разных обычаев и обрядов. Знание народных песен, пословиц и поговорок, народных обрядов и обычаев даёт представление об обстановке, моральных нормах, внутреннем мире людей.

Ключевые слова: традиционная чеченская семья, адаты, труд, форма воспитания, абрек, абречество

THE IMPORTANCE OF FOLK CUSTOMS AND TRADITIONS IN MORAL AND SPIRITUAL CONTEXT OF THE NOVEL MOHAMMED MAMAYEVA "ZELIMKHAN"

Djambekov Ovhad A., Candidate of Philological Sciences, Chechen State Pedagogical Institute, 364037, Russia, Chechen Republic, Grozny, 33 Kievskaya st., e-mail: sharani-999@mail.ru.

The article discusses the significance and importance of folk customs and traditions in shaping the characters of the novel M Mamayeva Zelimkhan". Folk thinking plays in the work of a significant role, staining everything in the national colors. It is present in the text of the novel, in the speech of characters, descriptions of different customs and rituals. Knowledge of folk songs, Proverbs and sayings, folk rituals and customs gives an idea about the situation, about moral norms, about the inner world of people.

Keywords: traditional Chechen family, Adat, work, form of education, Abrek, abreast

Роман М. Мамакаева «Зелимхан» свидетельствует о том, что история развития чеченской семьи была построена так, что «родители через труд добивались физического развития ребёнка, который должен был к пятнадцати годам овладеть всеми навыками ведения хозяйства и отвечать за свои поступки. Не меньшее значение они придавали его духовно-нравственному и интеллектуальному развитию» [2, с. 5].

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (№ 14-04-00465).

Ретроспективно, в воспоминаниях героини (Бици) даётся недолгая история мирной жизни семьи Зелимхана, который предстаёт как носитель лучших черт национального народного характера: «Бици лежала, прижавшись к дочери, и думала о Зелимхане. Вот он, виделось ей, запрягает быков, они вдвоём едут на сенокос... Он вытащил из сумки оселок и наточил косу. Потом, широко размахнувшись, принялся косить душистую траву. Но вот он устал, остановился, чтобы передохнуть, подошел к ней, сел в тени арбы и, улыбаясь, делится с женой своими планами по хозяйству» [3].

В мирном облике Зелимхана мы наблюдаем присутствие классических форм мифа, в частности, здесь зафиксированы черты мифологемы косаря и пахаря и, дополнительно, охотника и пастуха. Лирико-романтическая и одновременно семейно-бытовая тема имеет некоторый мистический подтекст: «Ведь было же такое! Совсем недавно. День тогда стоял жаркий, тихий, в воздухе чувствовалось приближение грозы. Но Бици не боялась ни грозы, ни града. Всё было для неё хорошо – Зелимхан был рядом. Но вот надо же было ворваться к ним в дом какому-то злому духу, который нарушил их счастье. Зелимхан никогда не объяснял Бици в любви, но был настолько сильно привязан к жене, что без неё чувствовал себя больным. И когда она однажды призналась ему, что очень счастлива с ним, он просто ответил: "Потому, что ты меня сделала счастливым"» [3].

«Совершив ночную молитву, Гушмазуко давно уже спал. Только жена его сидела у горячей слабым пламенем, затопленной на ночь, печи, томимая тревогой за сыновей. Никогда ведь ещё не бывало, чтобы Зелимхан не возвращался в тот день, когда обещал. А теперь вот уже четвёртые сутки, а его всё нет. И сегодня впервые старая женщина ощутила свою слабость... С тоской смотрела она на угасающий огонь, и сердце её сжималось в мучительном предчувствии. Материнским чутьём знала она, что сыновья пошли на опасное дело» [3].

У чеченцев родители в своих поступках демонстрируют детям образцы взаимоуважения и любви, мать называется «нана», а отца называют «дада» и эти имена имеют сакральный смысл. Материнство для них – высшая социальная ценность и естественная потребность в продолжении рода. В обыденном сознании у чеченцев, как и у многих народов, присутствует созданный ими культ матери, что находит прямое выражение и в романе М. Мамакаева: «Таково сердце любящей матери. Матери, которая в великом страдании рождает детей и первая учит их мудрым законам предков, чтобы потом, когда они станут взрослыми, жить в постоянном страхе за них. Она добывает огонь и поддерживает его всю ночь; выделявая шкуры и сукна из шерсти, она обшивает семью, варит пищу и ест сама то, что остается от детей. Она ложится спать последней и встает первой. Это она – женщина – даёт начало жизни и сама умирает, не оставив на земле даже своего имени...» [3].

Важным в плане этнографической точности, описания глубокого опыта народной медицины, всегда нацеленной и на духовное исцеление и очищение, является в романе М. Мамакаева эпизод, связанный с болезнью героя, которая «доводила его до безумия»: «И вот по совету людей, сведущих в знахарских делах, Зока увёз Зелимхана в Ногайские степи. Здесь абрека поселили в юрте у ногайца-скотовода, выдав его за крестьянина-охотника, приехавшего на лечение. Ногаец Нури делал всё, чтобы облегчить боли своему пациенту.

– Так врачевали наши деды, – говорил он, заворачивая голени харачевца в горячую шкуру, только что снятую с барана. Нури аккуратно кутал ноги больного в чёрную шерсть с солью, поил его тёплым айраном. В общем, делал все, что делали в таких случаях мудрые предки» [3].

Автор уделяет большое внимание специфике народной медицины, которая опиралась на природосообразные факторы, на факторы психотерапевти-

ческого воздействия на человека фольклора и традиционной духовной народной культуры в целом:

«И вот спустя месяц-другой Зелимхан почувствовал облегчение. Кроме того, здесь он был в безопасности и мог часами лежать, глядя в обширную степь, согретую горячим солнцем. С его зорким глазом абрека и метким ружьём тут ничто не угрожало ему...

Нури тоже повеселел, обрадованный результатами своего лечения. И слушая этого доброго человека, Зелимхан понемногу забывал боли, улыбался. Он уже вставал, ходил по юрте, совершал короткие прогулки в степь» [3].

Именно первозданная природа и народная песня, пусть и достаточно мрачная, даже трагическая, но зато точно отражающая психологию такой личности, как Зелимхан (по традиционной классификации народной лирики эта песня относится в разряд разбойничьих), а также чеченский народный музыкальный инструмент *пондар* обладают магическим действием, восстанавливают душевные силы героя:

«...Чистое знойное небо августа. Тихий ветер колышет сожжённые зноем травы и лениво катит мимо юрты круглые шары перекасти-поля. Вот прилетел откуда-то чёрный ворон и опустился на гладкий прокалённый солнцем череп вола.

Сплю я в далёких звериных углах,
Глина под боком, песок в головах.
Я по ночам засыпаю в тревоге,
Сплю и завидую зверю в берлоге... –

напевал харачоевец, расхаживая перед юртой... Нури был в степи с овцами. Зелимхан опустил пондар и, опираясь на него, как на палку, медленно побрёл в степь» [3].

Исцеление и постепенное возвращение к полноценной жизни вызывает у героя, по мысли автора, неожиданное открытие, которое свидетельствует о большом духовно-эстетическом потенциале человека из народа: «Здесь его глазам открылось поле, усеянное бело-жёлтыми и красно-чёрными цветами. "Что за диво, – глядел изумлённый абрек, – как могли под таким знойным небом, на песках сохраниться эти чудесные цветы?"» [3].

Таким образом, фольклорное мышление играет в произведении существенную роль, окрашивая всё происходящее в национальные краски. Оно присутствует в самом тексте романа, в речи героев, в описаниях разных обычаев и обрядов. Знание народных песен, пословиц и поговорок, народных обрядов и обычаев даёт представление об обстановке, о моральных нормах, о внутреннем мире людей.

Писатель в портрете героя бегло, но психологически ярко и точно фиксирует признаки этноментальности во внешнем облике, системе ценностей и образе поведения героя, обрисовывает народные типы, с которыми оказался в камере Зелимхан: «Тот, что ночью уступил ему место рядом с собой, попал в тюрьму за оскорбление городского. Усатый, высокий, как жердь, горец – за конокрадство. Он говорил о своей профессии с подкупающей гордостью, картинно описывая свои подвиги, в основном ночные вылазки в чужие конюшни» [3].

Одновременно в романе развивается параллельная сюжетная линия, связанная с младшим братом героя Солтамурадом и его решимостью не дать своим врагам увезти его наречённую Зезаг в Махкеты. Автор психологически мотивированно передаёт напряжённые раздумья героя, его матери. «Он знал, что она угадывает его состояние, тревожится о нём. – Я должен пойти туда, мама, понимаешь?.. Это необходимо! – Ты уже ушёл, сын мой, – перебила его мать, – Если ты идёшь отомстить за поруганную честь нашей семьи, то иди, и да поможет тебе Аллах. Не будь только трусом! – именно такое благословение получает сын в этот драматичнейший момент своего выбора...

Выходя из дома, Солтамурад все еще толком не знал, что же именно ему следует предпринять. Одно было ясно: хоть швырнув камень на дорогу, нужно помешать врагам увезти Зезаг» [3].

Характерно, что М. Мамакаев оценивает, точнее, демонстрирует традиционные обычаи горцев с двух позиций, в том числе в контексте оппозиции *свой – чужой*. Как известно, деление на своих и чужих – базовая культурная оппозиция. «Оппозиция "своё – чужое" относится к базовым мифологемам ценностной картины мира, поэтому мы можем сказать, что таким образом происходит "освоение" мира, процесс классификации, а далее и структурирования его "под себя".

Деление на "своё – чужое" практически равнозначно делению "мы – они". При этом в различные времена и в различных ситуациях наполнение данной оппозиции также отличалось. Если взять фольклор, для которого данная оппозиция всегда актуальна, то наполнение оппозиции "своё – чужое" различается по жанрам» [1].

«Нет, не желание выслушивать жалобы крестьян или пресечь произвол пристава привели полковника Дубова в Ведено... Вот и приехал он в свои владения за очередными поборами с подчинённых... Дубов был опытный человек, и местные нравы были ему хорошо знакомы. Линия его поведения была сформулирована чётко и ясно: ...можно и поиграть в некую приятную, в общем, игру: *уважение к горским обычаям и всё такое прочее*. Будучи ещё молодым офицером Уланского полка, будущий начальник округа старался *завести себе кунаков из среды чеченцев... Дубов заучил несколько десятков слов из чеченского языка, правила кавказского гостеприимства*, стараясь во всех своих поступках как в семье, так и в гостях походить на богатых чеченцев» [3]. Писатель с горечью осознаёт и иронически оценивает то, что в условиях угрозы надвигающейся глобализации, утраты исконных ценностей, агрессивного проникновения чужеродных элементов (представителей царской армии) происходят разного рода переоценки и перелицовки, манипуляции и спекуляции самой идеей традиционных обрядов и обычаев, в том числе и исламской обрядности.

Отношение к закону кровной мести занимает большое место в романе, поскольку именно этот закон зачастую оказывался первопричиной абречества. В то же время М. Мамакаев (в соответствии с идеологическими установками тогдашнего периода) несколько сглаживает, по нашему мнению, жёсткость, категоричность и бескомпромиссность этого обычая, вкладывая в уста главного героя и его собеседника соображения и размышления скорее общечеловеческого, общегуманистического, а не сугубо этнического характера. Здесь очевидна полемика между этими двумя точками зрения:

«Это пустая условность наших обычаев, Багал, – сказал Зелимхан. – Кто бы его ни причинял, чеченец или русский, зло остаётся злом. Если его причинил чужой человек, почему бы ему не отплатить тем же? – Тоже верно, – согласился Одноглазый, – и всё же мы живём по своим обычаям. Есть закон адата. Кровная месть испокон веков существует между чеченскими родами, а не между чеченскими и русскими. Подумай сначала о своей чести, Зелимхан» [3]. Вопросы национальной традиции, национального характера, любви к родине и борьбы за её счастье и свободу очень важны при формировании образа героя.

Самое интересное и принципиально новое в романе М. Мамакаева – это изображение характеров. Повседневная народная жизнь стала для М. Мамакаева материалом произведения с сильными характерами, столкновением страстей. Человек из народа – это носитель и добродетели, и коварства, корысти, предательства, вероломства, обуреваемый страстями и мучимый нечистой совестью человек. В романе доминирует народная точка зрения на вещи, мысль о неизбежности наказания для виновного.

В продолжение этой темы важен эпизод, в котором в восприятии и оценке старого Гушмазуко дана информация об акте возмездия и народного правосудия (а отнюдь не самосуда), который совершили Зелимхан с братом: «Весть об убийстве сына старшины Адода и тяжёлом ранении помощника пристава дошла до Харачоя ещё днём. Ходили слухи, что и то и другое – дело рук сыновей Гушмазуко. Старик уже знал эту новость, поэтому Зелимхан коротко рассказал отцу, как было дело.

– Что ж, дети мои, – глухо заговорил Гушмазуко. – Теперь никто не посмеет упрекнуть нас в трусости, – старик встал и неторопливо прошёлся по комнате. Как он ни ждал этой вести, все же где-то в глубине души Гушмазуко был против убийства и относился к нему как к тяжёлой необходимости, освящённой многовековым обычаем. Помолчав, старик добавил: – Главное сделали. Ну, а с Черновым как-нибудь позже...» [3].

Основная линия повествования с открытым социально-психологическим конфликтом в основе сюжета при всём историко-реалистическом его наполнении развивается, как правило, в том числе и на фольклорной основе, с расширением поля взаимодействия национального и инационального художественного сознания.

Как отмечалось выше, в системе духовно-идеологических и нравственно-мировоззренческих представлений чеченцев в период времени действия романа М. Мамакаева «Зелимхан» существовал религиозный дуализм, двоеверие, такое явление, которое достаточно органично создавало некий компромисс – сочетало, интегрировало традиции этнических исконных языческих представлений и верований и традиции мировой религии – ислама.

Список литературы

1. Завьялова О. Ю. Взаимоотношения "своих" и "чужих" в фольклоре / О. Ю. Завьялова. – Режим доступа: <http://www.psyhodic.ru/arc.php?page=3951>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Исаев Э. А. Религиозно-этические основы традиционной культуры вайнахов : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Э. А. Исаев. – Махачкала, 2009. – 45 с.
3. Мамакаев М. М. Зелимхан / М. М. Мамакаев. – Режим доступа: <http://filegiver.com/free-download/Mamakayev-Zelimkhan.fb2>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Zav'jalova O. Ju. Vzaimootnosheniya "svoih" i "chuzhih" v fol'klоре. Available at: <http://www.psyhodic.ru/arc.php?page=3951>.
2. Isaev Je.A. Religiozno-jeticheskie osnovy tradicionnoj kul'tury vajnahov. Mahachkala, 2009. 45 p.
3. Mamakaev M. M. Zelimhan. Available at: <http://filegiver.com/free-download/Mamakayev-Zelimkhan.fb2>.